

В. Ф. Ходасевич

"Восковая персона"

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Едва ли не в каждом литературном течении бывает эпоха ложного расцвета, который наступает вслед за расцветом истинным. Характерные признаки истинного расцвета -- напряженная созидательная работа внутри течения и непризнание вовне. Расцвету ложному соответствуют: внешнее признание и известная влияние в окружающей литературной сфере -- при скрытом или несознаваемом упадке внутренней энергии, когда борьба за существование кончена, основные положения найдены, лозунги провозглашены; деятельность отныне сводится уже к закреплению занятых позиций, к повторению пройденного, к вариациям, к разработке частных тем. Это уже начало конца, и, действительно, -- вслед за вторым периодом наступает обычно третий: период внутренних кризисов, сопровождаемый постепенной утратой внешнего влияния, когда в перспективе уже намечается развенчание, распад и, наконец, -- сдача в архив.

У "зачинателей" формалистической школы было значительно больше природного дарования, нежели познаний (это в особенности надо сказать о Викторе Шкловском, их вожаке). Второй период формализма, период ложного расцвета, был преимущественно ознаменован тем, что к формалистам примкнул ряд людей как раз противоположного склада -- людей, более наделенных знаниями, нежели талантом. В их числе оказался и Юрий Тынянов. Ему принадлежит ряд историко-литературных и критических работ, отмеченных всеми недостатками и всеми достоинствами формального метода (ибо нельзя отрицать, что у формализма были и некоторые достоинства). Для развития самых идей формализма Тыняновым не сделано ничего. Судьба сулила ему быть эпигоном школы, в зазорном слове которой не было более бранного слова, чем эпитон.

Ныне формализм кончен и почти забыт. В его кончине известную роль сыграла немилость правящей партии, которая в нем разочаровалась, когда потеряла в нем надобность. Но и при других условиях формализм все равно просуществовал бы еще недолго. Дни его были сочтены -- он себя исчерпал. Кое-кто из формалистов (в особенности Виктор Шкловский и Эйхенбаум) некоторое время еще пытались бороться за жизнь его. Они пробовали заставить формализм эволюционировать в сторону согласования с марксизмом, -- но это были уже, в сущности, попытки оживить труп. Юрий Тынянов был в числе тех, кто боя за формализм не принял. Но он не просто замолк, как постепенно замолкли Брик, Якобсон и прочие. Он отступил в другие, смежные области литературной работы.

"Кюхля" был его первым опытом на новом поприще. Я не согласен с методом, лежащим в основе этой работы: для биографии в ней слишком много фантазии, для романа же слишком мало. Кроме того, она писана плохим языком. Но все-таки у "Кюхли" были свои достоинства: знание эпохи, хорошая начитанность. В "Смерти Вазир-Мухтара" (так называлась история Грибоедова, следовавшая за историей Кюхельбекера) к недостаткам первой книги прибавилась чрезвычайная, местами почти нестерпимая вычурность, не только не оправданная темой (да и можно ли оправдать вычурность?), но и как-то особенно досадная. Можно было предполагать, что она происходит от страстного желания автора быть на сей раз более романистом, нежели прежде. Тынянов протянул руку к лаврам художника. Для формалистов творчество есть прием, а достоинство творчества измеряется чуть ли не одной только новизной приема. Тынянов остался верен заветам формализма -- стал искать новых приемов. Но дарования художественного у него нет. Его новый прием оказался просто вычурой, насильно вымученной и не вяжущейся с предметом.

То, что зовется художественным чутьем и вкусом, для критика-формалиста, в сущности, так же необязательно, как для библиографа. Именно поэтому критик Тынянов не почувствовал недостатков "Смерти Вазир-Мухтара". Он не только не разуверился в своих художественных возможностях, но напротив -- уверовал в них, -- быть может подсчитав количество примененных приемов и найдя оное вполне достаточным. "Восковая персона", напечатанная в первой и второй книжках "Звезды", есть уже третий шаг Тынянова по начатому пути. Тынянов вступил, наконец, в область чистой беллетристики.

"Восковую персону" приходится назвать повестью исторической, но изображенные в ней события лишь частично принадлежат к числу исторически данных. Большинство из них только приурочены к